

— Сейчас, право, не знаю, сударыня,— отвечала Алиса робко.— Я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз менялась.

— Что это ты выдумываешь?— строго спросила Гусеница.— Да ты в своем уме?

— Не знаю,— отвечала Алиса.— Должно быть, в чужом. Видите ли...

— Не вижу,— сказала Гусеница.

— Боюсь, что не сумею вам все это объяснить,— учтиво промолвила Алиса.— Я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку.

— Не собьет,— сказала Гусеница.

— Вы с этим, верно, еще не сталкивались,— пояснила Алиса.— Но когда вам придется превращаться в куколку, а потом в бабочку, вам это тоже покажется странным.

— Нисколько!— сказала Гусеница.

— Что ж, возможно,— проговорила Алиса.— Я только знаю, что мне бы это было странно.

— Тебе!— повторила Гусеница с презрением.— А кто ты такая?

Это вернуло их к началу беседы. Алиса немного рассердилась— уж очень неприветливо говорила с ней Гусеница. Она выпрямилась и произнесла, стараясь, чтобы голос ее звучал повнушительнее:

— По-моему, это вы должны мне сказать сначала, кто вы такая.

— Почему?— спросила Гусеница.

Вопрос поставил Алису в тупик. Она ничего не могла придумать, а Гусеница, видно, просто была не в духе, так что Алиса повернулась и пошла прочь.

— Вернись!— закричала Гусеница ей вслед.— Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Это звучало заманчиво, и Алиса вернулась.

— Держи себя в руках!— сказала Гусеница.

— Это все?— спросила Алиса, стараясь не сердиться.

— Нет,— отвечала Гусеница.

Алиса решила подождать, все равно делать ей было нечего, а вдруг все же Гусеница скажет что-нибудь стоящее? Сначала та долго сосала кальян, но наконец вынула мундштук изо рта и сказала:

— Значит, по-твоему, ты изменилась?

— Да, сударыня,— отвечала Алиса,— и это очень грустно. То одного становлюсь роста, то другого и ничего не помню.

